

Тогда суд вынес приговор, и по закону его должны были поместить в государственную психиатрическую больницу. Однако в ту же ночь его срочно вывезли и тайно переправили в частную клинику.

Это было частное владение одного важного лица, внешне не похожее на обычную больницу. Семья Цзинь, будучи иностранными купцами, не имела здесь прочных связей, так что найти его было практически невозможно.

Цзинь Шу смотрел на луну и думал, что скоро умрёт. Все его мечты и надежды уйдут в небытие. Его глаза были красными, в них пылала бесконечная ярость.

Он был здесь уже давно и по обрывкам разговоров и другим намёкам смог сложить правду. Здесь содержали гомосексуалистов, отобранных по определённым критериям. На них ставили опыты, проводили так называемое лечение, а в конце каждого года выбирали одного с самой сильной волей и приносили в жертву своим, возможно, несуществующим богам.

Эти люди в чёрных мантиях, возможно, и не считали кого-то виновным. Они просто выбирали тех, кто казался им непохожим на других, чтобы оправдать свои злодеяния. Им нравилось мучить и убивать, им нравилось видеть, как сильные люди становятся беспомощными. Они постепенно сами превратились в настоящих фанатиков.

Они проводили древний ритуал жертвоприношения до глубокой ночи. Цзинь Шу увидел, как один из них подошёл к нему. Это был Джордж Файнс. Его лицо всё ещё было мягким, но в глазах светилась кровожадная жестокость.

Он поднёс ножницы к лицу Цзинь Шу, затем начал резать его смирительную рубашку. Цзинь Шу уже был истощён до костей, у него не было сил даже пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы сопротивляться или бежать.

Файнс наклонился и прошептал ему на ухо:

— Дорогой, я нашёл кое-что интереснее любви. Ты должен порадоваться за меня.

После этого он резко прижал раскалённое железо к обнажённой груди Цзинь Шу. Шипящий дым поднялся вверх, а выражение невыносимой боли на лице Цзинь Шу заставило Файнса дрожать от возбуждения.

— Прежде чем ты станешь рабом богов, есть ли у тебя последние слова? — Файнс странно усмехнулся, его голос дрожал.

Ярость Цзинь Шу превзошла физическую боль. Вся ненависть к врагам и горечь за свою семью собрались в его сердце. Он начал верить в существование призраков. Он хотел стать злым духом, чтобы разорвать всех этих людей на части. Его бледные губы произнесли слова, подражая предкам:

— Эта ночь коротка, но день вечен. Дрожащие крысы вскрывают животы. Даже если сжечь кости, пепел не исчезнет. Лёгкие пушинки однажды станут орудием мести.

— Замолчи! — Файнс вдруг разозлился и приказал четырём черноризникам поджечь ветки. Он бросил факел на дрова и злобно сказал:

— Прощай, китайский поэт!

Огонь быстро вспыхнул, и Цзинь Шу захохотал на металлическом столе. В языках пламени он выкрикивал проклятия, и его голос, вырывавшийся из огня, словно ледяной ветер, проникал в сердца всех присутствующих.

Файнс почувствовал беспокойство, и в этот момент вошла медсестра и что-то прошептала ему на ухо. Файнс быстро сообразил, сделал знак остальным четырём и ушёл, пока огонь не добрался до них.

Пожар продолжался до утра. Ритуал жертвоприношения был почти завершён. Четыре черноризника наблюдали, как человек превращается в пепел. Они были удовлетворены, словно насладились пиршеством, и уже собирались уходить, как вдруг снова услышали стихи, которые Цзинь Шу читал ранее.

Один из черноризников вздрогнул, обернулся и увидел, что почти погасший огонь на металлическом столе вспыхнул снова, но теперь он был в сто раз сильнее.

Затем он увидел, как человек поднялся из огня, шаг за шагом спустился со стола и вышел из пламени. Его тело было идеальным, совсем не похожим на то, что было до смерти — измождённое и изуродованное.

Черноризец в ужасе отшатнулся, но тут же увидел, что Цзинь Шу каким-то образом оказался перед ним.

Цзинь Шу усмехнулся и сказал:

— Прощай, иностранный мусор.

Цзинь Шу не воскрес в полном смысле этого слова. Его тело было сожжено дотла, теперь он был лишь материализованной формой сознания. В буддийских текстах говорится: «Все дхармы, как сон, иллюзия, пузырь, тень, как роса и молния». Гнев не угасает, сознание не исчезает. Пока есть мысль, есть и форма. Это и есть «восприятие, чувство, воля и сознание».

Поэтому этот мир не всегда материален. Для некоторых существование основано на идеализме.

В ту ночь Цзинь Шу устроил кровавую резню в этой частной больнице, но Файнс сбежал. Та самая медсестра сообщила ему, что старик Цзинь уже нашёл это место и скоро прибудет с людьми. Но Файнс был жестоким человеком, он не сказал об этом своим сообщникам и сбежал один, а те, увлечённые своим безумием, даже не заметили его отсутствия.

Ярость Цзинь Шу не утихла, поэтому его форма не исчезла. Он вернулся в семью Цзинь, но личность «Цзинь Шу» — преступника — больше не подходила для этого мира.

Кровавые события потрясли весь город. Правительство, не сумев найти виновного, закрыло дело как нераскрытое. В психиатрической больнице, помимо нескольких свежих трупов, были найдены останки и органы. Здание закрыли, но позже стали ходить слухи о призраках, и оно стало одним из самых известных домов с привидениями в истории.

Известие о смерти Цзинь Шу распространилось вместе с новостями о кровавых событиях в психиатрической больнице. Полгода спустя богатый молодой человек по имени Цзинь Чжаосян прибыл из Китая. У него были длинные волосы и золотая оправа очков. Он элегантно вошёл в дом семьи Цзинь, и все поняли, что старший сын семьи всё ещё жив.

Цзинь Шу взял на себя управление семейным бизнесом под именем Цзинь Чжаосяна. После смерти отца он прожил в одиночестве ещё несколько десятилетий. Но человек не может жить вечно, поэтому он старался не появляться на публике и не позволял своим фотографиям распространяться.

Хотя его сознание могло принимать любую форму, он предпочитал жить в своём изначальном облике. Это был облик мужчины, только что перешагнувшего тридцатилетний рубеж, красивого и зрелого. Он покинул родину и вместе с отцом приехал в Великобританию, открыл своё архитектурное бюро. В тот год он был очень занят, и каждый его эскиз был наполнен тяжёлым прошлым и новым будущим.

В конце тысячелетия он передал управление семейным бизнесом профессиональным менеджерам и перевёл все активы на имя Цзинь Шуаня.

Цзинь Шуань был внебрачным сыном Цзинь Чжаосяна, с детства жившим с любовницей в США. Для него самого этот статус не был позором, ведь и Цзинь Чжаосян, и Цзинь Шуань были им самим. Ему было важно просто продолжать жить, а придумывать фиктивные браки ради прикрытия не было необходимости. В их кругах, как только дело касалось брака, возникали проблемы как внутри семьи, так и за её пределами.

...

Длинный пепел с сигареты упал, и сознание Хань Чжоу вернулось в настоящее. Он стряхнул пепел с брюк, сделал последнюю затяжку и потушил сигарету в пепельнице.

За окном дождь уже стих. Хань Чжоу смотрел вдаль сквозь дымку. Машина, которая забрала Цзинь Шуаня, давно уехала, асфальт был чистым, не осталось даже следов от шин.

С того дня Хань Чжоу каждое утро и вечер отправлял Цзинь Шуаню сообщения в WeChat: просто «Доброе утро» и «Спокойной ночи». Цзинь Шуань отвечал так же, и больше между ними не было ни слова.

Их чувства словно наткнулись на плотину, и вся сладость отношений мгновенно вернулась к нулю.

Хань Чжоу был обычным человеком, который хотел обычной любви и обычной жизни. Ему было уже двадцать девять лет, когда он наконец встретил того, кто ему по-настоящему нравился. Настолько, что хотелось плакать. Он не мог просто отпустить.

Но само существование Цзинь Шуаня противоречило материалистическому мировоззрению Хань Чжоу.

Однако, как говорил Чжуан-цзы, «за пределами шести направлений есть вещи, которые существуют, но о которых не говорят». Будь то инопланетяне, многомерные пространства или другие таинственные силы, если подумать о вещах, которые наука пока не объяснила, всё становится понятным.

Хань Чжоу всегда был открыт для нового. Сейчас он просто не знал, как ему быть с Цзинь Шуанем.